

*Алексей КОВАЛЕВСКИЙ,
поэт, критик, редактор,
лауреат литературных премий
(г. Харьков)*

«И НАД СОДОМОМ — БЕЗДНА НЕБА...»

Свой очередной сборник поэт Сергей Шелковый назвал «Во плоти». Почему?

*Ты прав, что прежде губ уже рождается лепет
Какой-то новый век задуман впереди.
Мы не посмеем знать, кто наши ноздри лепит,
Пока не подан знак извне и во плоти...*

Поэтическое зрение С. Шелкового устроено так, что он, словно живописец, видит прежде всего вещьность, предметность мира, то, что предстает перед нами «во плоти». И воспеваает эту плоть влюблённо, страстно, истово, живописует сочно, с фламандской роскошью красок.

Однако время идёт, и читатель, следящий за эволюцией поэта, наверняка заметил, что С. Шелковый, оставаясь точным, ярким, изобретательным в живописном отображении мира, всё больше приближается к тем сферам, где преобладает невещественное. И в нём — музыка. И в ней — тишина.

«В пределе откровенья — тишина» — говорит поэт. Эта тишина непереложима на язык, может, самого глубокого, самого сосредоточенного молчания, на язык любой медитации. Так же, как музыка, о которой идёт здесь речь, — вовсе «не медный лай кимвала», и её невозможно выразить с помощью музыкальных нот...

Увы, мало мы об этом думаем. Как заметил другой поэт, наша поэзия давно уже впала в «одичание метафоризма». Погоня за образом, за сравнением, самодовлеющее значение красок, неистребимая «злоба дня», сводящаяся к вариациям надоевших тем и идей, — вот незамысловатое содержание множества стихотворений.

С. Шелковый всегда понимал опасность подобного крена. Потому и не был собирателем метафор, певцом цвета, ловцом конъюнктуры. Он с самого начала был обречен не «развлекать

и услаждать» — так, пусть и грубовато, можно обозначить одно из существующих эстетических направлений, — а искать и давать ответы.

По инерции «традиции» и он, правда, может вздохнуть в начале раздумья: «Как страшен нерешаемый вопрос...» или «Не знаю ничего, а то, что знал, забыл...». Но одна фраза или даже отдельное стихотворение — это лишь фрагмент в цели познания. Достаточно завершённую, целостную картину может дать лишь книга, а лучше — всё творчество поэта. Поэта, который посредством «словесных знаков» воссоздает во плоти мир, природу, человека.

Именно в этом вещественном бытии есть — а точнее сказать: тоже есть — ответы. Иначе трудно представить себе предназначение творения!

Тот, кто обладает глубинным, острым зрением, чутким слухом, отзывчивой душой, участвует своим искусством в сотворчестве с Абсолютом. Идя за ним, постигая причины и следствия, его вдохновение и законы, осмысливая жизнь, он находит, всё-таки находит, ответы.

В книге «Во плоти» вы не почувствуете внутренней ущербности автора, что так часто можно заметить в других стихотворцах. Недостаток культуры — как личностной, так и исторической, то есть пронесенной и умноженной народом в течение веков, зависимость от чужого и чуждого, отчаянные взрывы гнева и всеразрушающей мести — себе и миру! — этот комплекс неполноценности им трудно чем-либо скрыть.

Как трудно скрыть, например, то, что наша общая «зависимая ментальность» не в состоянии организовать жизнь по-людски, по-Божески и, если не зовёт пока на выручку новоявленных варягов, то это вовсе не значит, что те не готовы придти к нам сами, без спросу... И тогда уж точно на «прародине» славянской безалаберности, вражды, завистливости и «гугнивой правды» воцарится вождельный порядок.

*Если можешь, очнись у черты небывалого моря. —
Снова Бог твой утоплен тобой в почерневшем Днепре.
Покаяния нет. Хруст и рыканье волчьего жора.
И хрипит вороньё на кресте о батыйском костре...*

Культура, которая питает и движет стихи С. Шелкового, полна достоинства и самодостаточности. Она далека от кондового патриотизма, называющего тех кто подлинно обогащает её и избав-

ляет от примитивизма и безвкусицы, лишь русскоязычными, а не русскими писателями.

И здесь, пожалуй, можно говорить о корнях, ищущих не северных неласковых суглинков, а своего, тёплого и щедрого, чернозёма. Можно говорить о почве Харькова, о той ауре города, которая складывалась всегда достаточно независимо и самостоятельно. И вот высветлила во мгле сегодняшнего дня одно из наиболее ярких своих родовых лиц — лицо поэта Сергея Шелкового.

Ему не нужны котурны, меценатство тех, кто столь бездарно делает и «зажигает звёзды», свечение которых зачастую тусклее и дешевле разменной монеты... С. Шелковый идёт своей «дорогою свободной», делает то, к чему призван, и, зная цену своему творчеству — своему бескорыстному духовному спонсорству! — ни перед кем не ломает шапку. Даже — по устанавливаемому сейчас свежим ритуалам — перед теми, кто спонсирует издание его книги. На последней странице сборника лишь беспристрастно общается, кто помог осуществить издание.

Вообще же проблема «благоденствие или долг?» понимается поэтом много шире: ему нужны не «меценаты», одной рукой вгоняющие культуру в одичание, а другой отсчитывающие нам библейские сребреники за молчание и послушание, ему нужно гораздо большее:

*Но я ли не молил небес о брате?
И, чем же Ты ответил мне, Господь...*

И всё же, всё же:

*Священнодействие возможно
Смирномудрию вослед...*

Не в возмущении, не в половодье гнева достигнешь полней духовной самореализации. Не в сведении счетов... С течением времени поймашь себя на спокойной, отстоявшейся мысли: «Я жил и мало верить стал упрёкам...». То есть жизнь — богаче и полнее, чем могло показаться в какой-то момент, когда действительно захлёстывала «злоба дня», а вечная суть бытия, нетленная его красота исчезали.

*Но оказалось, что для взлёта
Нужней не пыльные уста,*

*А всевлюблённости работа
И самоедства правота.*

Нравственное самоусовершенствование немислимо без этой «работы всевлюблённости», без сомнений, без постоянной творческой неудовлетворённости.

Не потому ли С. Шелковый пишет о себе: «Вряд ли воитель, лишь искры хранитель...»?

Что ж, воителей много. Много непримиримости, категоричности, яростно самоутверждающегося невежества.

«Не мир принес вам, но меч»? Однако и затем ведь меч принёс, чтобы хранить искру, а не рубить сплеча, налево и направо, прорубаясь куда-то вперёд — и вперёд ли? — даже не представляя себе при этом, как далеко, в какие сакральные глубины и выси, катится эхо от ударов и вскриков тех, по кому эти удары пришлись.

*Прости, что я опять ошибся дверью —
Ищу Твой Храм, а в капища вхожу.*

Это из стихотворения о пастыре «с неправедным лицом». «Я чувю в нём несчастье, порчу, лжу» — признаётся поэт. И старается выразить то, что, быть может, ещё только носится в воздухе, не отлитое в руководящие формулировки, не переведенное в плоскость действия.

О многом здесь думается. К примеру, о пресловутом «генетическом рабстве» православия, которое — и почва за семьдесят лет атеизма достаточно подготовлена! — можно бы, как кому-то кажется, заменить чем-то «попрогрессивнее», «подемократичнее», тем, например, что богатых будет определять как перстом Божиим отмеченных, а бедных — как справедливо страдающих за грехи свои тяжкие...

Мысль поэта движется от частного к общему — вот она заставляет задуматься уже и о соборной нашей «затаённой вине пред Отцом»: надо что-то делать, а нет решимости идти «путём тесным» и помнить притчу о верблюде да об игольном ушке. Или хотя бы рефренный мотив многих народных дум о продающих душу «ради лакомства несчастного».

Обращаясь к «огромной славянской стране, распластанной шкурою медведя», поэт не может сдержаться:

*Беспутная! На путь благослови
И в эти дни, когда дыханья нету.*

Однако, одолевая минутное отчаяние, без пафоса, но твёрдо и уверенно, тут же произносит:

*За эту глину, супесь, чернозём
Держусь полвека думою и сердцем.
Тобою крещены мы. И умрём,
Оплакав твой печальный окоем,
Лишь молча усмехнувшись иноверцам...*

Не здесь ли для одних краеугольный камень, а для других — камень преткновения? Не здесь ли надо тем и другим наконец понять, что отнюдь не одними кровавыми прорывами в будущее может вершиться история? И вместе с тем, не здесь ли наиболее остро пронзает боль от того, что повсеместно ещё не научились отдавать предпочтение как раз бескровному деланию, духовному животворению.

*Идущие землей — не властелины,
Заложники ухабов и канав...*

Но, если выбрал тропу сотворчества с Абсолютом и торишь её в меру сил и отпущенного тебе таланта, ты не можешь быть пессимистом. Не можешь просто по определению. А коль пессимист — поищи червоточину и в себе, попытайся выяснить, почему именно чёрные инвольтации преобладают в твоей душе над светлыми.

Главное — не зарыть талант в землю, а талант, Богом данный, для всех один — творить добро, служить красоте и истине. Не зарыть ни самому, ни с помощью легиона воителей, победно шествующих, как видим, совсем другим путём.

Что делать... Как судьба каждого есть прежде всего вектор его индивидуальных желаний, так и судьба Земли есть равнодействующая пороков и добродетелей человечества. Одним махом здесь ничего не изменить, и даже Христос не противился внешне ни общему ходу вещей, ни адским инстинктам конкретного Иуды: хочешь кассой «заведовать» апостольской — да исполнится твоё заветное, хочешь предать меня на распятие — да сбудется и это...

Два тысячелетия минуло, а всё нет места христианскому миропорядку, за который ратовали столь многие, и среди них близкий нам по времени отец Сергей Булгаков — он был не из тех, которые называли и будут называть, согласно указаниям «синедриона», чёрное белым, несправедное — благим.

«Останься твёрд, спокоен и угрюм» — сказано у Пушкина. С. Шелковый таков и есть, но в стихах своих он целостно светел, не угрюм. Этот свет сродни высоким образцам: Пастернаку и Рубцову, Мандельштаму и Чичибабину.

Слепые останутся рабами своих неодолимых жажд, пока не прозреют... Видящему же ведомо, что

*Для жизни духа нет плохих времен,
Как нету для нее времен хороших.*

Однако он помнит и другое:

*Одна крупница соли за душой —
Верней в итоге, чем подачка хлеба.
Настанет день для правды: Мир большой!
И даже над Содомом — бездна неба.*

Поэт верит в это бездонье и безбрежье неба, тайны которого неисповедимы, их «ни числом, ни схимой» не измерить. И всё ещё под этим небом возможно, возможны и правильные ответы, и тот «новый век впереди», нелживый, как теперь, не этот, что упрямо ведёт цивилизацию к краху, — безразлично, несправедно ли она нищенствует, или несправедно же благоденствует в какой-то своей части.

Сергей Шелковый творит мир добра и любви, творит его «во плоти», но таким одухотворенным, что тот кажется уже преображённым, то есть тем, каким должен будет стать где-то впереди. И тут творчество поэта совсем уходит из сферы метафоризма и дышит силой многозначного, ёмкого символа, даёт ответы.

Вот они, возможности искусства, возможности нашей надежды и веры!

Думаю, многие, — и не обязательно поэты, — прочитав книги Сергея Шелкового, вынуждены будут честно признаться: «Ты победил, ревнитель творения, хоть, как и я, родился в Содоме...»

1995 г.